

ЧИНОВНИК ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ?

Среди множества «цехов» в театре существует один особый, именуемый «литературная часть». Обязанности человека, работающего в ней, на первый взгляд не имеют определенных границ. На самом же деле заведующий литературной частью — это очень важная и ответственная должность. Так кто же ты, современный завлит?

Как многие выпускники театроведческого факультета ГИТИСа, я учился у Павла Александровича Маркова и считаю это особым везением. Он был всегда в самой середине театрального процесса, формировал его, вступал во множество деловых отношений, бесконечным числом людей, действовал. Работал рядом со Станиславским и Немировичем-Данченко, заведовал литературной частью МХАТа, руководил музыкальным театром, а перед нами оживали картины былых жестоких дискуссий, романтических монологов, мимолетных и глубоких обид. Его не миновало почти неизбежный для авторитетных критиков, познававших театральное дело, и мифический образ собственной режиссерской значимости. Марков не был обделен умением ошибаться. Так чему же научил? Уважению к сценической практике. И тому, как должна подтягиваться, изменяться походка театроведа, когда он входит в театр. Марков научил, нет — объяснил достоинство профессии. Марков навсегда отбил охоту к «партерной критике», представителям которой обычно полны академической надменности по отношению к людям сцены. Марков заразил желанием воплотить в практике театра свой художественный идеал, то есть жаждой строить театр. Наверное, кто-то учился у него и чему-то другому. Но мне он однажды сказал: «Идите работать в какую-нибудь литературную часть. Как говорил Наполеон, надо ввязаться в бой, а уж там разберемся».

ой, а у нас там разберемся».

А вот что сам Марков писал в книге «В Художественном театре» о профессии завлиты: «Вряд ли среди театральных профессий можно найти более неопределенную и неблагоприятную, чем завлит... Его обязанности не имеют определенных границ... Его работа менее чем кого-либо другого в театре очевидна по результатам. Это должность трудная и, по существу, всегда неоцененная. Результативность деятельности завлита совершенно неопределима, она менее всего поддается учету... Когда что-либо сделал завлит, то его, так сказать, «завоевания» потонут в общей коллективной деятельности театра... Но если посмотреть в существо дела, то это ответственная и очень важная должность, и очень огорчительно, что сейчас в большинстве случаев завлит обращается в «чиновника по особым поручениям» при главном режиссере...»

Как о режиссере можно во многом судить по его ученикам-артистам, так и о работе завлита легко составить представление по именам авторов, которых он впервые привел на сцену. Марков открыл театру Всеволода Иванова, Михаила Булгакова, Юрия Олешу, Леонида Леонова, Валентина Ката-

«Чиновники по особым поручениям», которых в литературных частях наших театров стало намного больше, чем тогда, когда о них писал Павел Александрович, ничем таким не занимаются. Они могут быть милыми, энергичными, даже хлебосольными людьми, но у них совсем иные задачи. Добыть новое, свежееиспеченное драматическое сочинение, но уже отредактированное, желательно апробированное, не влекущее за собой шлейф неизбежных волнений и конфликтов, всегда сопровождающих рождение нового. Потому во многих театрах страны идут одни и те же пьесы, часто качественные, но снимающие с повестки дня вопрос о неповторимости творческой индивидуальности коллектива. Ряд более и менее ответственных товарищей доволен таким положением дел — меньше хлопот, лишь бы хорошо работали репертуарно-редакционные коллегии Министерства культуры. Коллегии работают всегда с напряжением сил. Завлечен же с удовольствием переложил на их плечи основную заботу о создании нового репертуара. Многие литературные части живут-поживают слишком уютно.

но, не сознавая своей ответственности перед всем театральным процессом, который, в сущности, тормозят и они.

Масса завлито, обращенных в «киновников по особым поручениям», неоднородна, и позволяю себе ее несколько шуточно дифференцировать, надеясь, впрочем, отыскать зернышко истины. Среди них встречаются «драматургии» — лица, пишущие пьесы. Это в общем совсем неплохо. В некоторых странах наша должность так и называется — «драматург театра». Да вот беда, многие завлиты-драматурги заботятся о своей творческой судьбе больше, чем о судьбе театра.

Встречаются «клерки» — почти курьеры, почти рассыльные, чистые исполнители, люди без художественной инициативы, без профессии, но при должности.

«Романтики» — обычно приходят из журналистики, филологии или из совсем иных, не театральных сфер. Полны восторженности, трепещут от запаха кулис, не понимают, «как это можно театр не любить!» Слово «театр» произносится с придыханием. Относятся к нему, как к роду литературы, специфика обычно не понимают. Часто образованны, но образованность эта с искусством сцены не смыкается, а существует сама по себе.

«Лица страдательные» — вечные «козлы отпущения», они нужны руководству театра как надежное вместилище всех грехов и ошибок. Такие завиты обычно виноваты как в том, что драматурги не пишут хороших пьес, так и в любом плохом настроении сурового представителя главка. И во всем остальном тоже. Они обычно легко привыкают к подобной роли, полностью сознавая свою необходимость.

«Рекламисты» — завлечены, которые видят свою основную задачу в действиях, способствующих лучшей продаже билетов. Они, как правило, любимцы дирекции.

«Себе на уме» — преследуют какие-то свои цели, обычно связанные с дальнейшей карьерой. Для них литературная часть — очередная должностная ступенька. Часто обладают гипертрофированным представлением о собственной значимости.

Парадокс же заключается в том, что идеальный завлит должен уметь делать кое-что из вышеперечисленного и, кроме того, заниматься вопросами полиграфической и просто графической культуры выпускаемых театром плакатов, буклетов, программ. Заботиться о повышении эстетического образования труппы (самому вести беседы, устраивать вечера, приглашать педагогов). Учитывать такое особое понятие, как характер города, вкусы горожан, при составлении будущего репертуара. Изучать архивы, местное литературное наследие. Осуществлять прочную связь с прессой, радио, телевидением. Иметь представление о вкусах того или иного театрального критика. Регулярно выяснять положение с режиссерскими, актерскими кадрами в интересах родного коллектива, создавать театральные музеи... Наверняка я о чем-нибудь еще забыл. Все это должен делать один человек, больше в театре некому. Один человек с небольшой зарплатой, заведующий литературной частью, в которой чаще всего лишь он сам и состоит. Заведующий сам собой. Все-таки смешное название «литературная часть». Похоже, как у Гоголя Кочкарев в «Женитьбе» рекомендует Подколесина Агафье Тихоновне: «одни все дела делает», «усовершенствовал свою часть».

Но для того чтобы завлечь «одному все дела делать», необходим особый род дарования, сочетающего организаторские способности и критический талант. Хорошая театральная критика умеет обнажать сценическую безграмотность, называть творческие неудачи своим именем, но почти никогда не дает позитивных

предложений. Завлит же может быть одним из строителей театра, если он в нем не случайный человек. Настоящий завлит по сути своей (риску ввести новый термин) оказывается «практикующим критиком», даже если не пишет.

Вновь процитирую П. А. Маркова. «Реальное участие в решении основных вопросов жизни театра позволяет залитую быть истолкователем и защитником театра вне его стен, в печати... Больше, чем кому-либо, ему приходится быть адвокатом театра, обосновывая и защищая те творческие задачи, которые становятся центральными в деятельности коллектива на том или ином этапе».

Сейчас стало очень мало пишущих завлитов, чаще они публикуют информационные газетные заметки и клишированные актерские портреты, больше напоминающие бухгалтерские отчеты, чем театральную литературу. На завлитов, рецензирующих спектакли других театров, поглядывают косо, как на перебежчиков во «вражеский стан» прессы. Но опыт Маркова, Алперса, Бодяжнева призывает к обратному. В литературной части должен работать талантливый литератор, критик.

Единственное условие, при котором деятельность завлита приносит не просто служебную пользу, но обретает духовный смысл: его единомыслие с режиссурой театра. Театры, как мы знаем, не делятся на большие и маленькие, столичные и провинциальные, а только на живые и неживые. Престижно работать не в больших кабинетах, где стоят внушительные кресла, часто меняющие не только форму тела, но и форму души, а в живом театре. Хотя в большом кабинете нет ничего плохого. Но во МХАТе, например, у завлита кабинет маленький. Истинная же «провинция» не за московской кольцевой дорогой, а там, где плохо работают, где строители театра меньше, чем равнодушных.

Каждый день по дороге на работу, проходя мимо Театра имени Ленинского комсомола, вижу, как все ладно в нем устроено, как все продумано: и реклама, и внешний вид. А ведь когда-то здесь было все иначе — зрители не толпились, театр выглядел неряшливо, и никто не выделял из актерской массы Николая Караченцова, например. Когда вспоминаешь об этом, в душе возникает надежда, что и твои профессиональные проблемы в скором времени разрешатся. Уменьшится, может быть, нескончаемый поток людей, случайных в драматургии, каждый из которых знакомит со своими творениями все театры страны. Или появится долгожданное объединение залитов Москвы при ВТО. Что репертуарные коллеги пересмотрят все же тематический заказник пьес, который уже давно пересмотрела и расширила жизнь. Что в институтах театроведы будут получать неформальное представление о работе литературной части. Что наконец будет преодолено противоречие между необходимостью рождения пьесы в процессе репетиций и желанием вышестоящих органов видеть готовую вещь до его начала.

Нашим театрам нужен единый информационный центр, они слишком оторваны друг от друга на огромных пространствах громадной страны. Давно пора создать бюро пропаганды театрального искусства. Думаешь и о том, что в последнее время завлиты стали работать режиссеры, ассистенты режиссера и даже заслуженные артисты республики. А происходит это от безразличия к специфике должности, на которой часто находятся «чиновники по особым поручениям». Думаешь о том, как мои коллеги забывают, что работают в литературной, а не в драматургической части, и, являясь послами литературы в театре, полпредами театра в литературе, не ведут поиск в пространствах современной прозы, поэзии, произведений для кино. И о том, что литературная часть обязательно должна быть частью художественного целого

В. ОРЕНОВ,
заведующий литературной
частью Московского
театра миниатюр.